

УДК 811.161.1

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В СИСТЕМЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Яшина О.Н. студент гр. С-ПРП-51, V курс
Научный руководитель: Матасова О.В. к. филол. н., доцент
Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю. А. г. Саратов

Метафора занимает одно из центральных мест в исследованиях языка и познания. Как отмечают исследователи, метафора не только служит средством языковой выразительности, но и выступает механизмом конструирования реальности, синтезируя абстрактное и конкретное, логическое и эмоциональное [1, с. 5].

В лингвистике существует множество определений метафоры. Так, Ж. Марузо определяет метафору как способ выражения, состоящий в переносе абстрактного понятия в конкретный план путем сокращенного сравнения. Согласно, А. Реформатскому, метафора является самым типичным случаем переносного значения. Перенос наименования при метафоре основывается на сходстве реальных по внешнему виду, форме, цвету, ценности, положению, характеру движений. Н. А. Лаврова понимает метафору как самое креативное средство обогащения языка, проявление языковой экономии и семиотической закономерности [2]. В принципе, метафора позволяет использовать знаки одной концептуальной сферы для обозначения другой. Поворотным пунктом в изучении метафоры стала работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», изданная в 1980 году [3] и сместившая акцент с художественной функции метафоры на ее роль в структурировании мышления. Ученые показали, что метафора пронизывает повседневную речь, отражая базовые когнитивные схемы.

Н. Д. Артюнова предложила классификацию, учитывающую функциональную роль метафоры [4, с. 156]. В рамках данной классификации различают номинативную метафору как перенос названия для обозначения новых реалий (*сеть* для интернета / нем. *Netz*), образную метафору, возникшую на основе сравнения по зрительному сходству (*золотые волосы* / нем. *goldenes Haar*), когнитивную метафору, возникшую на основе отражения общности признаков (*жизнь-борьба* / *Leben ist ein Kampf*), генерализующую метафору (*море проблем* / *ein Meer von Sorgen*). В. П. Москвин развил структурную, семантическую и функциональную классификации, выделяя ключевые метафоры-архетипы, связанные с культурными кодами, и текстовые метафоры, развернутые в повествовании [5, с. 28]. Для анализа механизма метафоры необходимо учитывать основание переноса. Так метафора может базироваться на внешнем (*иголки сосны* / *Tannennadeln*), функциональном (*тянуть время* / *die Zeit dehnen*) или внутреннем (*золотой человек* / *goldener Mensch*)

сходстве. Важную роль в механизме метафорики играет синестезия, например: *ледяной взгляд / eisiger Blick*) [2, с. 142].

В научно-техническом дискурсе метафора выполняет ключевые функции: когнитивную, коммуникативную и мнемоническую. Метафора суть универсальный механизм номинации во всех типах дискурса – в науке, медицине, экономике, технике, искусстве. Она является конституирующей основой научных теорий, активно участвуя в терминотворчестве. На основе метафор не только возникают новые термины, но и формируются целые терминосистемы [6]. Метафоры богато представлены в терминологической номенклатуре любой науки. Одинаково метафоричны языки искусства [7], медицины [8] и язык компьютерных технологий.

Анализ терминов как основных единиц научно-технической коммуникации выявляет доминирование нескольких основных метафорических моделей. Как утверждает В. Н. Телия, человек как «мера всех вещей» становится основным источником метафор [9, с. 32]. В русском и немецком языках это проявляется через анатомические аналогии (*рука робота – Roboterfinger; мозг системы – Maschinenherz*) и социальные роли (*ген-регулятор – Regulatorgen*). Здесь и далее примеры из Толкового словаря русских научно-технических терминов [10], Политехнического словаря [11], Немецко-русского словаря компьютерных и математических терминов [12] и Немецко-русского медицинского словаря.

Сравнение метафор в технической терминологии двух языков раскрывает как универсальные паттерны мышления, так и специфические черты, обусловленные традициями словообразования, технологическим развитием и культурно-историческими контекстами. Доминирование артефактных метафор в технической терминологии связано с ориентацией на материальные объекты, которые создает человек. В русском языке такие метафоры часто опираются на визуальное сходство или функциональную аналогию. например: «*коленчатый вал*» отсылает к суставу, подчеркивая изгиб детали. Многие русские термины заимствованы из других языков, но прошли метафорическую адаптацию: «клапан» (от нем. *Klappe* – створка) воспринимается как регулятор потока. В немецком артефактные метафоры часто воплощаются в составных словах, точно описывающих форму или функцию, например, *Zahnrad* (зубчатое колесо, *Zahn* – зуб + *Rad* – колесо). Культурные различия проявляются в уровне детализации: немецкие термины подчеркивают процессы и взаимодействия (*Schraubverbindung* – винтовое соединение), а русские более обобщенные (*крепеж*), что отражает инженерные традиции: немецкую точность и русскую функциональность.

Антропоморфные метафоры в технике помогают «очеловечить» механизмы, делая их доступнее для понимания. В русском языке они опираются на части тела: *рука робота*, *глаз системы*. Немецкий язык расширяет антропоморфизм, включая сенсорные и эмоциональные оттенки, например, *Sensorhaut* – сенсорная кожа, покрытие роботов. Эти различия коренятся в

культуре: немецкая техническая мысль романтизирует механику, а русская остается прагматичной, унаследовав советский технократизм.

Природоморфные метафоры переносят в технику образы стихий, растений и животных, например: *облачное хранилище* или биологическая метафора *вирус* (нем. *Computervirus*). В электронике используется термин *паук* для обозначения разветвленного соединения, а в программировании – *дерево вызовов*. Немецкий язык активнее создает природоморфные термины, например: *Datenwald* – лес данных (*Big Data*) и *Lichtstrahl* – световой пучок. Немецкие термины часто метафоризируют динамику: *Datenfluss* «поток данных» акцентирует движение, в то время как русский термин *передача данных* нейтрален.

В терминологии цифровых технологий метафорические модели в обоих языках сходные, но сохраняются национальные особенности. Так, в области информационных технологий русский язык заимствует англоязычные метафоры, например, *файл*. Такое заимствование упрощает глобальную коммуникацию, но снижает образность. Немецкий язык, напротив, адаптирует иностранные термины, вплетая их в собственную словообразовательную систему. Термин *Datenautobahn* «информационный хайвей» объединяет современные технологии с культурным символом Германии – автобаном.

Проведенное исследование подтверждает, что метафора является универсальным когнитивно-лингвистическим механизмом образования технических терминов, связывающим абстрактные концепты с повседневным опытом. В русском и немецком языках доминируют антропоморфные, технико-инструментальные и природоморфные модели, что отражает универсальные закономерности человеческого мышления. Доминирование артефактных метафор в технической терминологии обусловлено ориентацией на материальные объекты, которые создают люди.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – Москва, 1990. – С. 5-32.
2. Лаврова Н. А. Основы языкознания: учебное пособие. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – 252 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 366 с.
5. Москвин В. П. Русская метафора: Семиотическая теория. – Москва: Ленанд, 2006. – 184 с.
6. Матасова, О. В. Метафора в научном дискурсе / О. В. Матасова, Е. С. Мерзлякова // Язык для профессиональных целей: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 26 апреля 2022 г. / Под научной редакцией А. Е. Живлаковой. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего об-

разования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2022. – С. 50-53.

7. Матасова, О. В. Метафорика искусствоведческого дискурса (на примере немецкого языка) / О. В. Матасова, Е. С. Мерзлякова // Инновационные технологии в обучении и производстве: Материалы XVII Всероссийской заочной научно-практической конференции. В 3-х томах, Камышин, 23–25 ноября 2022 г. Том 3. – Волгоград: ВолгГТУ, 2022. – С. 86-90.

8. Яшина, О. Н. Метафора в медицинском дискурсе (на материале немецкого языка) / О. Н. Яшина, О. В. Матасова // Иностранный язык для профессиональных целей (ко Дню российской науки): сборник научных статей II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Саратов, 11 февраля 2025 г. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2025. – С. 81-86.

9. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 26–53.

10. Толковый словарь русских научно-технических терминов. [С приложением русско-английского словаря базовых терминов]; 3-е изд. / под ред. В.И. Максимова. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2020. – 800 с.

11. Политехнический словарь (русско-немецкий): в 2 т. [Текст] = Langenscheidts. Fachwörterbuch Technik und angewandte Wissenschaften: Russisch-Deutsch in zwei Bänden: Ок. 140 000 терминов / Общ. ред. Х. Гернер. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: РУССО // Т. 1: А-О. – 2001. – 560 с. // Т. 2: П-Я. – 2001. – 640 с.

12. Асмус А. С. Немецко-русский словарь компьютерных и математических терминов. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 278 с.

13. Немецко-русский медицинский словарь = Deutsch-russisches Wörterbuch der Medizin [Текст]: Около 55 000 терминов / [А. Ю. Болотина и др.]. – Москва: РУССО, 1995. – 814 с.